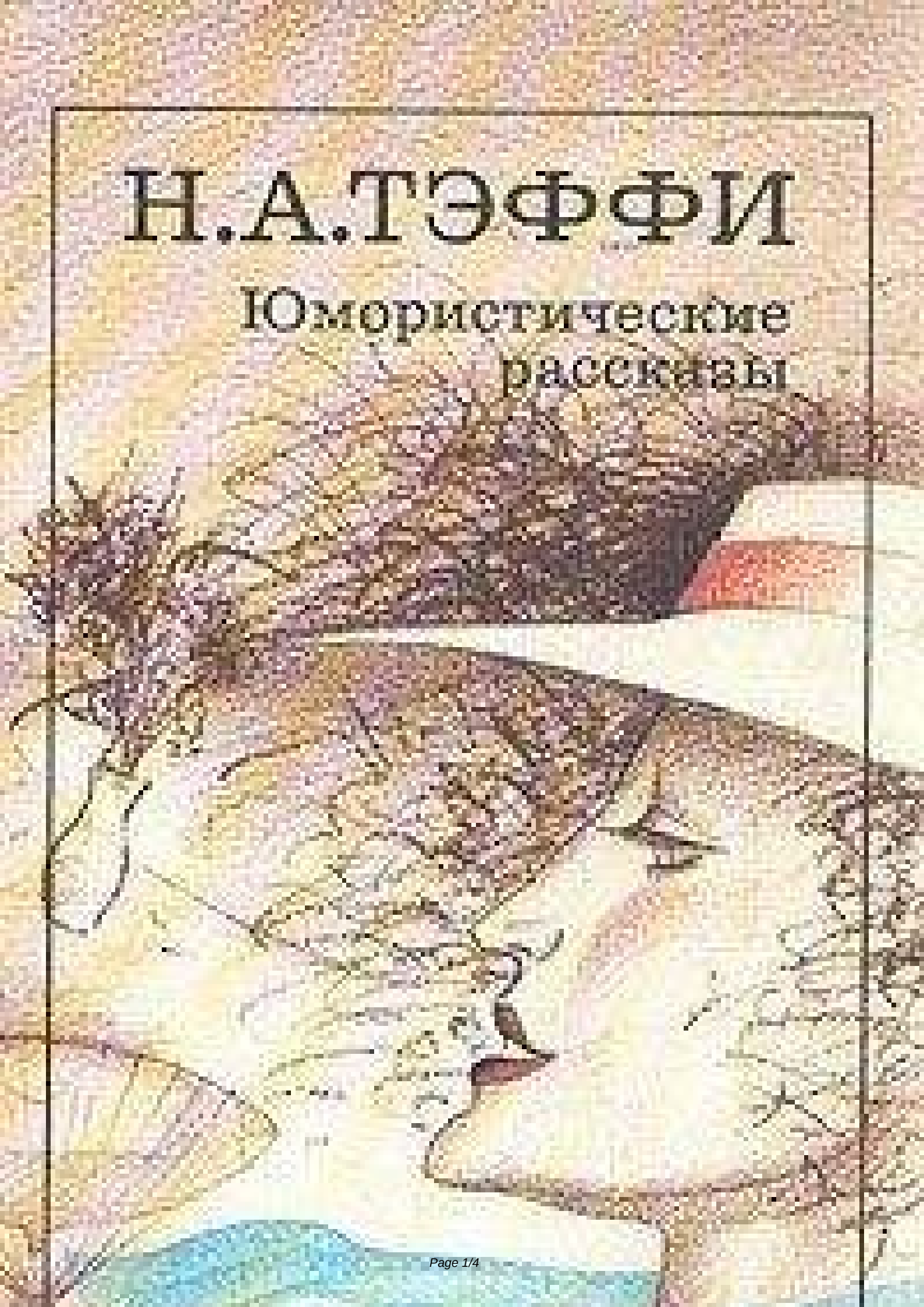
Н.А.ТЭФФИ

Юмористические рассказы



Надежда Тэффи

Переоценка ценностей

Петя Тузин, гимназист первого класса, вскочил на стул и крикнул:

– Господа! Объявляю заседание открытым!

Но гул не прекращался. Кого-то выводили, кого-то стукали линейкой по голове, кто-то собирался кому-то жаловаться.

– Господа! – закричал Тузин еще громче. – Объявляю заседание открытым. Семенов-второй! Навались на дверь, чтобы приготовишки не пролезли. Эй, помогите ему! Мы будем говорить о таких делах, которые им слышать еще рано. Ораторы, выходи! Кто записывается в ораторы, подними руку. Раз, два, три, пять. Всем нельзя, господа; у нас времени не хватит. У нас всего двадцать пять минут осталось. Иванов-четвертый! Зачем жуешь? Сказано – сегодня не завтракать! Не слышал приказа?

– Он не завтракает, он клячку жует.

– То-то, клячку! Открой-ка рот! Федька, сунь ему палец в рот, посмотри, что у него. А? Ну, то-то! Теперь, прежде всего, решим, о чем будем рассуждать. Прежде всего, я думаю… ты что, Иванов-третий?

– Плежде всего надо лассуждать пло молань, – выступил вперед очень толстый мальчик, с круглыми щеками и надутыми губами. – Молань важнее всего.

– Какая молань? Что ты мелешь? – удивился Петя Тузин.

– Не молань, а молаль! – поправил председателя тоненький голосок из толпы.

– Я и сказал, молань! – надулся еще больше Иванов-третий.

– Мораль? Ну, хорошо, пусть будет мораль. Так, значит, – мораль… А как это, мораль… это про что?

– Чтобы они не лезли со всякой ерундой, – волнуясь, заговорил черненький мальчик с хохлом на голове. – То не хорошо, другое не хорошо. И этого нельзя делать, и того не смей. А почему нельзя – никто не говорит. И почему мы должны учиться? Почему гимназист непременно обязан учиться? Ни в каких правилах об этом не говорится. Пусть мне покажут такой закон, я, может быть, тогда и послушался бы.

– А почему тоже говорят, что нельзя класть локти на стол? Все это вздор и ерунда, – подхватил кто-то из напиравших на дверь. – Почему нельзя? Всегда буду класть…

– И стоб позволили зениться, – пискнул тоненький голосок.

– Кричат: «Не смей воровать!» – продолжал мальчик с хохлом. – Пусть докажут. Раз мне полезно воровать…

– А почему вдруг говорят, чтоб я муху не мучил? – забасил Петров-второй. – Если мне доставляет удовольствие…

– А мама говорит, что я должен свою собаку кормить. А с какой стати мне о ней заботиться?

Она для меня никогда ничего не сделала…

– Стоб не месали вступать в блак, – пискнул то– ненький голосок.

– А кроме того, мы требуем полного и тайного женского равноправия. Мы возмущаемся и протестуем. Иван Семеныч нам все колы лепит, а в женской гимназии девчонкам ни за что пятерки ставит. Мне Манька рассказывала…

– Подожди, не перебивай! Дай сказать! Почему же мне нельзя воровать? Раз это мне доставляет удовольствие.

– Держи дверь! Напирай сильней! Приготовишки ломятся.

– Тише! Тише! Петька Тузин! Председатель! Звони ключом об чернильницу – чего они галдят!

– Тише, господа! – надрывается председатель. – Объявляю, что заседание продолжается.

Иванов-третий продвинулся вперед.

– Я настаиваю, чтоб лассуждали пло молань! Я хочу пло молань говолить, а Сенька мне в ухо дует! Я хочу, чтоб не было никакой молани. Нам должны все позволить. Я не хочу увазать лодителей, это унизительно! Сенька! Не смей мне в ухо дуть! И не буду слушаться сталших, и у меня самого могут лодиться дети… Сенька! Блось! Я тебе в молду!

– Мы все требуем свободной любви. И для женских гимназий тоже.

– Пусть не заплещают нам зениться! – пискнул голосок.

– Они говорят, что обижать и мучить другого не хорошо– А почему не хорошо? Нет, вот пусть объяснят почему не хорошо, тогда я согласен. А то эдак все можно выдумать: есть не хорошо; спать не хорошо, нос не хорошо, рот не хорошо. Нет, мы требуем, чтобы они сначала доказали. Скажите пожалуйста – «не хорошо». Если не учишься – не хорошо. А почему же, позвольте спросить, – не хорошо? Они говорят: «дураком вырастешь». Почему дурак не хорошо? Может быть, очень даже хорошо.

– Дулак, это холосо!

– И по-моему, хорошо. Пусть они делают по-своему, я им не мешаю, пусть и они мне не мешают. Я ведь отца по утрам на службу не гоняю. Хочет, идет, не хочет – мне наплевать.

Он третьего дня в клубе шестьдесят рублей проиграл. Ведь я же ему ни слова не сказал. Хотя, может быть, мне эти деньги и самому пригодились бы. Однако смолчал. А почему? Потому что я умею уважать свободу каждого ин-ди… юн-ди… ви-ди-ума. А он меня по носу тетрадью хлопает за каждую единицу. Это гнусно. Мы протестуем.

– Позвольте, господа, я должен все это занести в протокол. Нужно записать. Вот так: «Пратакол за-се… «Засе» или «заси»? Засидания. Что у нас там первое?

– Я говорил, чтоб не приставали: локти на стол…

– Ага! Как же записать?… Не хорошо – локти. Я напишу «оконечности». «Протест против запрещения класть на стол свои оконечности». Ну, дальше.

– Стоб зениться…

– Нет, врешь, тайное равноправие!

– Ну, ладно, я соединю. «Требуем свободной любви, чтоб каждый мог жениться, и тайное

равноправие полового вопроса для дам, женщин и детей». Ладно?

– Тепель пло молань.

– Ну, ладно. «Требуем переменить мораль, чтоб ее совсем не было. Дурак – это хорошо».

– И воровать можно.

– «И требуем полной свободы и равноправия для воровства и кражи, и пусть все, что не хорошо, считается хорошо». Ладно?

– А кто украл, напиши, тот совсем не вор, а про. сто так себе, человек.

– Да ты чего хлопочешь? Ты не слимонил ли чего-нибудь?

– Караул! Это он мою булку слопал. Вот у меня здесь сдобная булка лежала: а он все около нее боком… Отдавай мне мою булку!… Сенька! Держи его, подлеца! Вали его на скамейку! Где линейка?… Вот тебе!… Вот тебе!…

– А-а-а! Не буду! Ей-Богу, не буду!…

– А, он еще щипаться!…

– Дай ему в молду! Мелзавец! Он делется!…

– Загни ему салазки! Петька, заходи сбоку!… Помогай!…

Председатель вздохнул, слез со стула и пошел на подмогу.